

Александр Раткевич

Стихотворения

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1954 году в г. Ивангород Ленинградской обл. С 1969 г. проживает в Полоцке в Беларуси. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Член СП Беларуси, руководитель лит. объединения «Полоцкая ветвь», с 2006 по 2010гг. главный редактор лит. журнала «Западная Двина». Автор пятнадцати книг стихов. Основатель литературного направления катарсизм (авторский термин) и издатель одноимённого альманаха. Член оргкомитета и председатель жюри Международного литературного фестиваля «Центр Европы» в Полоцке.

* * *

Была ли ночь, как сон, нетленной,
и был ли мир не мёртв, ни жив,
но я лежал лицом к Вселенной,
свой разум к тайне обнажив.

Трава цвела пурпурным цветом,
был воздух полон тишиной,
и мне по-прежнему неведом
был звёзд неотразимый зной.

Во мне безмолвие волною
и безволненье влились в кровь,
и травы под моей спиной
пытались выпрямиться вновь.

Но я лежал лицом к Вселенной,
и я дышал её грозой,
но не как памятник нетленный,
а как ребёнок со слезой.

И мне открылись лики ночи,
и раскололись камни звёзд,
когда мои поймали очи
тьнь галактических борозд.

Неужто там дыханье то же,
что и на крохотной Земле,
колышет человечье ложе,
как мёртвый дух в печной золе?

И был ли сон в утробе чёрной,
и был ли мир хоть каплю жив,
в своей сакральности соборной
себя к разгадке обнажив?

И я увидел сквозь потёмки
и сквозь сияющий покров,
как разлетаются обломки
пурпурно блестящих миров.

И страх тогда и состраданье
объяли цепко разум мой.
И я ладонь, как в наказанье,
к своим глазам прижал с мольбой.

Так что же, ночь была нетленной
и мирозданья мозг был жив?..
И я лежал лицом к Вселенной,
свой разум к тайне обнажив.

* * *

Там, за окоёмом, где надрывно
тучи исполняют песню гроз,
молния прочерчивает дивно
нотный стан из огненных полос.

Здесь – затишье, запах зверобоя,
тихое дыхание ольхи,
и сосново-ёлочная хвоя
шепчет вечеру душистые стихи.

* * *

Есть срок в феврале уходящем межвьюжью,
и утренник, как бирюзовую тушью,
с привычной решительностью расплескался
по спящему снегу, который прижался
к земле – исцеляюще-сладкой подушке;
по шапке лебяжьей сосновой макушки;
по сморщенным ягодам злой облепихи:
замёрзли, а всё ещё держатся лихо;
по ферме, у входа в которую пылко –
ужель заработала камнедробилка? –
голодно-воинственный полк воробьёв
устроил подобье всемирных боёв:
как стрелы и копья взвиваются перья,
и пух, как осколки снарядов, – над дверью,
чуть живы от страха сидят за которой
холёные куры – смешные актёры;
по замершей лужице, скованной тонко
последним ледком, как зеркальной плёнкой,
которая вдруг отражает весны
предчувствие, утро и шапку сосны.

Дожинки

На горе на Замковой на крутой,
у Софии полоцкой золотой
собрался народ на помостике
всё хозяева да и гостики.

Кто хозяева? – полочане,
а кто гостики? – белорусы.

Ай, о чём они говорят-поют?
Что же праздновать собралися тут?
И какие вещи-товарочки
разложили тут на прилавочки?

Ох, и праздновать стали жнивку,
изобильнейшие дожинки.

А товар у них да на всякий вкус,
на любой почёт да на каждый ус:
тут и хлебушко не утеряно,
а и пива с вином не меряно.

И, как зёрна в полном амбаре,
весь народ и сыт, и задорен.

Как поют хозяева без прикрас,
как танцуют гости пляс-перепляс,
что Скорина вспоёт над водушкой,
Евфросинья пойдёт лебёдушкой.

Глядь-поглядь, и природа вскоре
закружинится в хороводе.

Ой, гудит-шумит полочанский край –
белорусы чествуют свой урожай:
как умеют петь – так и слушают,
как работали – так и кушают.

И стоит прямой и окольный
на все страны звон колокольный.

Херсонес Таврический

Закатное солнце по маковкам леса
скользит, оставляя узоры свои.

Хожу по дорожкам степным Херсонеса,
ищу самоцветы любви.

Врывается ветер морской на руины
таинственной Таврии, скрытой во мгле.
И пенятся волны, и стелется винный
пьянящий, густой аромат по земле.

Здесь тысячи лет подымалось светило,
сквозь тысячи лет уходя в окоём.
И снилась таврийцам античная сила
коней, уносящихся в бой напролом.

И слышались гуннов надрывные крики,
и стены крошились от града камней,
но снова вставали – сильны, светлолики –
мужи-херсониты, гранита прочней.

И вновь возрождались бойницы и башни,
и вновь укреплялись дома и дворы,
цвели кипарисы и сеялись пашни,
на рынок товар свой несли гончары.

Минуты и дни превращались в столетья,
рождались и рушились царства в веках,
но город стоял и сквозь все лихолетья
был верой и родиной в мудрых сердцах.

Таврийцы, как прежде, пути освещая,
врата отворяли для мирных гостей,
и, новые храмы свои освящая,
любили друг друга, растили детей.

Но непредсказуем огонь постоянства,
он быстро сгорает, как пламя свечей.
И падали храмы, иконы, убранства
под злобным ударом ордынских мечей.

И всё. Через сотни годов неприветных
видны черепки, оловянный браслет,

горсть бусин из мутных камней самоцветных
и несколько медных истёртых монет.

Рассветное солнце из маковок леса
восходит, глаза озаряя твои.
Хожу по дорожкам степным Херсонеса,
ищу самоцветы любви.

* * *

Поэзия тебе отдушина
от всех проблем мирских,
от завтрака, от ужина
и от страстей лихих.

Она, как чёрная жемчужина,
что и в ночи сквозь тьму
сиянием завьюжена
в лирическом дыму.

В её словах навек разбужена
сокрытых смыслов цветъ,

в мелодику загружена
глубинных звуков медь.

И в выдохе её нарушена
противоречий связь,
чтобы метафор дюжина
сплелась в святую вязь.

Поэзия тебе отдушина
и сужена, пока
ничуть не обездушена
твоя строка.

Квинтдецима

Обезьяна произошла от человека,
человек произошёл от обезьяны?!.
Так можно спорить от века и до века,

но обезьяна всё равно не вырастит бананы,
не обуздает землетрясение и вулканы,
не построит стоэтажку, дороги, фонтаны;

не поймёт, для чего эта библиотека,
не изобретёт ни стадиона, ни велотрека,
не приготовит ни супа, ни каши, ни чебурека;

не нарисует хотя бы стаканы,
не споёт ни под гусли, ни под баяны,
не выбьется ни в таланты, ни в бездари, ни в графоманы;

не произнесёт ни слова, ни имярека,
не напишет ни пьесы, ни стихи, ни романы
и не подпишет ни одного чека.

Изменчивость

Весна опять капризна, как ребёнок:
сегодня – дождь, вчера – коварный гололёд,
а завтра, словно только из пелёнок –
свою румянность ярко солнце льёт.

Весна спешит сюрпризы приготовить:
вливает в воздух мартомайскую струю
и птичьим взором наполняет овидь,
вглядев в меня изменчивость свою.